

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ МАТРИЧНОЕ МЫШЛЕНИЕ ЖЕНСКОЙ ДУХОВНОСТИ

Структурно, внутренним осуществлением, явления мифологического сознания и мудрости, воплощённой в женском начале, имеют общие координаты и сопричастны друг другу. Универсальная логика мифа входит одним из слагаемых женской духовности и является каузальным механизмом осуществления мудрости, фундаментальным её основанием. Культурный детерминант сохраняет свои древние установки, и носитель культурного начала, коим является женщина, воплощает фундаментальные принципы мышления, исходящие из архаичного сознания. Это не только архетипы, но и более глубокое знание о масштабно-космическом всеединстве, закодированное в истинах мудрости. Главная идея мифологического миропонимания, состоящая в гармонии всех микро- и макрообъектов, есть кристаллизованная причина, легшая в основу мудрости, которая, как следствие, воплощает эту идею в своих истинах.

Античное понимание мудрости выражает Аристотель: «Мудрость есть наука об определённых причинах и началах» [Столович Л.Н. Мудрость и знание// Вопросы философии. 2003, №9. С. 151-159]. То, что находится в начале творения – космологично, а космогенез обладает «высшим престижем» [Топоров В.Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд). В кн.: Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. М, 1982. С. 11] для ранних форм сознания, это область сакрального, воспроизводимого в ритуале и традиции. Пифагор, Сократ, Платон и его ученики высшую мудрость видели в сверхчеловеческом начале мира [Столович Л.Н. Мудрость и знание// Вопросы философии. 2003, №11. С. 154]. Происхождение мира античной мыслью связывается с космогенезом, мифологический космогенез исходит из представления о трансформации неупорядоченного хаоса в упорядоченный космос. Космогенез основан на универсальной связи всех проявлений бытия, связи, основанной на субстанциальном единстве, называемом В.Н. Топоровым «гигантской вариацией на тему принципа причинности» [Топоров В.Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд). В кн.: Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. М.: Наука, 1982. С. 8]. Этот же автор, говоря о стратегии архаичного сознания,

отмечает свойство, заключающееся в первичности матриц формальных отношений перед интерпретационной фабулой её элементов, «подобно тому, как в аристотелевой логике структурное отношение частей силлогизма предопределяет правила вывода и конечный его результат [Топоров В.Н. Первобытные представления о мире. С.9].

Мифологическое матричное мышление требует отдельного анализа, поскольку оно объясняет субстанциальную связь явлений, лежащую в основе родовых коллективных представлений – а именно они моделируют образ женской духовности. Гераклит рассуждает, исходя от Логоса: «Должно признать: мудрость в том, чтобы знать всё как одно» [Столович Л.Н. Мудрость и знание// Вопросы философии. 2003. №11. С. 153]. Такой способ знания мира заключается в мифосознании. Отсутствие субъект-объектного деления – кардинальная черта мифа: «абсолютная мифология признаёт полную невозможность уничтожения субъекта в пользу объекта и объекта в пользу субъекта», но утверждает необходимость категории, синтезирующей их [Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 222]. Но носителем мифосознания может быть только человек, что делает его главным субъектом партиципации, т.е. сопричастности, когда между человеком – субъектом и миром – объектом находится предикат – миф. Миф выступает категориальным медиатором, целно фиксирующим качества мира в их совокупности. Стремясь к высшему синтезу, миф не выносит суждений и преодолевает бинарные оппозиции, миф – точка нуля в логической цепочке детерминизма. Это значит, что миф «обнуляет» опосредованность причины и следствия, например, выражение $A=B, B=C, C=0, \Rightarrow A=D$ в мифосознании минует причину, оставляя лишь факт: $A=D$. В мифе всё – аксиома и, наоборот, все принятые аксиомы могут быть отменены. Миф нечувствителен к законам формальной логики, Я.Э.Голосовкер даже называет это качество мифа «законом неисключенного третьего» [Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М.: Наука, 1987, С. 40]. Миф есть непосредственное мышление. С позиции мифологической логики утверждение $A=B \wedge 0$ равносильно $A \wedge B \wedge C \wedge 0$. следовательно, любое утверждение изначально верно: $A = 0 \Leftrightarrow A \wedge 0$. Об этом свойстве мифа А.Ф.Лосев говорит: «Здесь эмпирическая жизнь личности совпала с одной из сторон идеального состояния личности, а именно с ее всеприсутствием и бесконечным разнообразием... все может быть представлено всем» [Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. С. 197]. Мифом движет механизм субстанциональной причинности, указание на неё можно встретить у того же автора, называющего синтезом бинарности субстанцию, которая мыслится как нечто реальное: «Абсолютная мифология есть субстанциализм» [Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2001. С. 222].

Мифосознание делает логически валентными любые явления, уравнивает бинарные оппозиции (н., жизнь-смерть), в нем «дилемма

разрешается синтезом, ибо среднее дано и противоречие снимается вовсе» [Голосовкер Э. Я. Логика мифа. С. 46]. Синтез противоречивых понятий лучше всего выражает субстанциальный детерминизм. «Знать все как одно» есть диалектическая истина мифа, сказавший это Гераклит, считавший, что день и ночь – одно и то же [Донских О.А., Кочергин А.Н. Античная философия. Мифология в зеркале рефлексии. М., 1993, С. 71], обладал, как кажется, чертами мифологического сознания, в поздней его форме. Мир состоит из взаимосвязи множества явлений, и выделение, обособление одного из них разрушает миф и единство субстанции, наверно, это и имел ввиду Гераклит, положивший начало учению о всеединстве.

Субстанциональное единство, объединяющее дух и материю, интегрально проецировались на мир в идеальном мысленном предвосхищении порядка, в т.ч. и практическая деятельность человека, и, прежде всего, его деятельность нравственная. Содержание мифа женщиной воспринимается ею как непрерывное участие в его воссоздании, в обеспечении интеграции, в воссоздании синкретического идеала. Единство субстанции, которое Гераклит называет Логосом [Столович Л.Н. Мудрость и знание. //Воп. фил. 2003. №11. С. 153], как было показано выше, управляет логикой мифологического матричного мышления, рассмотрим, как это воплощается в специфике мудрости и проецируется на женскую духовность.

В синкретизме субстанции заложена мудрая диалектика: субстанциональное единство добра и зла, жизни и смерти не дает победного торжества одной противоположности над другой. Диалектика противоположностей выражает единство, ведь определить приоритет одного над другим значит задеть такую область значений определяемого, которая уже в дальнейшем не изменится, это нарушает гармонию – цель принципов мудрости. Диалектика противоположностей доводится до представления о единстве человеческого рода «в сущности» [Дробницкий О.Г. Понятие морали. М., 1974. С. 316], согласовывается с логикой морального мышления, в которой «общее присутствует в единичном и частном и предопределяет это единичное, всякий раз особенное и неповторимое» [Дробницкий О.Г. Понятие морали. С. 318]. Мудрая диалектика делает всех и каждого в отдельности равными перед нравственными императивами, суть которых – воплощение высшего закона, в действии которого вовлечено все во Вселенной.

Мифологическое матричное мышление органично воплотилось в женской духовности специфическими особенностями женского мышления, подчиненного природному субстанциональному синкретизму. Логика – мужская, рационально-аналитическая – отстранена от женской духовности, пользующейся собственными матрицами мышления, которые тождественны логике мифа. Большое значение здесь имеет эмоциональный уровень, которому также чужды интеллектуальные усилия. Что-то понять для женщины означает не найти значение, а вызвать отклик

сопереживания. Женская логическая матрица выражается в принципе, который мы назовем принципом «неопределенной предопределенности», все в нем – воплощение толерантности и синкретизма. «Неопределенность в женской логике – условность, возведенная в принцип, вариативность и многозначность, доходящая до многозначительности и смещающая категоричность в зависимости от сопутствующих или препятствующих обстоятельств» [Курбатов В.Д. Женская логика / Игры общения и поведения. Р.-н-Д., 1989. С. 131]. Неопределенность играет большое значение, «индикаторы неопределенности – суждения типа «да, но», «возможно, конечно, только вот» [Курбатов В.Д. Женская логика. С. 132]. Ключевая модальность принадлежит значений между «да» и «нет» и носит селективный характер [Курбатов С. 141], в чистом виде к ней применима формула мифологического мышления $A = B \Leftrightarrow A \neq B$. Следует отметить, что неопределенность есть условие для метода восхождения от абстрактного к конкретному [Алексеев, Панин С. 298, 303]. То же можно сказать и о неопосредованности женской матричной логики, $A = D$ (см. выше) в последней выводится интуицией, заменяющей логическую причинно-следственную цепь. Женская матричная логика жертвует рациональной аналитичностью, «ограничивающей ее интуицию фактами цели» [Курбатов В.Д. Женская логика С. 131]. В ней относительность оценок, причастная к ключевой модальности, связана с соотносительностью любого оценочного суждения и выражает со-поставительный характер. Т.о. в этой специфической логике правит детерминизм, но он выражает здравый смысл практической направленности, в нем заложена мудрая диалектика с присущим ей качеством не задевать ту область значений определяемого, которая уже не изменится в дальнейшем.

«Неопределенная предопределенность» касается сферы незыблемого, априорного, биологичного, что составляет ее предопределенный компонент. Такая дополнительность выражает прагматический характер, ведь для того, чтобы существовала область неопределенного, необходимо, чтобы нечто при этом оставалось несомненным, определенным. «Если сущее дано наглядно, то определенность означает то же самое, что устойчивость, ясность понимания и отграниченность данности» [Современный философский словарь / Под ред. Кемеров В. Е., М., 1996. с. 64].

Незыблемые основания, упирающиеся в факты, закрепленные мифом и традицией, основания, бытие которых абсолютно и естественно, как естественно сменяют друг друга жизнь и смерть, день и ночь, времена года с их бесконечным перетеканием друг в друга, их незыблемость преумножается фактической устойчивостью женской филогенетики. Природу женского филогенетического начала хорошо выражает следующая мысль О.Шпенглера: «Женское начало ближе к космическому. Оно глубинным образом связано с Землей и непосредственно включено в великие кругообращения природы [Шпенглер О. Закат Европы. М.,

1994. С. 340]. Логическая матрица мифа с ее предикативными свойствами субстанциального единства, непосредственности, синкретичности, «законом неисключенного третьего» воплощается первопричиной или, как было сказано выше, каузальным механизмом осущестствления мудрости, являясь не только формой для генезиса мудрости, но и передавая свои кардинальные установки, закрепившись в женской духовности как принцип неопределенной предопределенности. Устойчивость женского филогенетического начала, питаемая конкретно ощущаемым, творимым и существующим, не подвержена изменениям во времени, в следствии чего мудрость сохраняет устойчивую природу своего каузального механизма. Миф закрепляет в традициях программу, направленную на ликвидацию конфликта, предотвращение отпадения, на синкретическое слияние всего со всем, на социальную справедливость.

Гендерный аспект принципа социальной справедливости:

Гендер по определению К.-Г. Юнга – «половой характер человека», который формируется на основе такой физиологической характеристики индивида, как пол, но вбирает в себя также и психологические особенности человека и социальные характеристики личности, как индивидуальные, так и обусловленные культурой того общества, в котором данная личность проходит процесс социализации и функционирует. Наличие непрiloжной физиологической основы делает гендерные различия, строго говоря, неизбежными.

Специфика гендерной интерпретации социальной справедливости: в 1970-ых годах на основе феминистской теории и практики формируется гендерный подход, заключающийся в социокультурном измерении половых различий. Первоначально исследования в этой области носили односторонний характер, были сфокусированы на женской (феминистской) проблематике. Мужчина рассматривался как субъект, дискриминирующий женщину, причиняющий насилие по отношению к ней и др., что оборачивалось не только дискриминацией мужчин, но и женщин, которые представляли несчастными, избиваемыми и угнетаемыми мужчинами.

В последнее время наблюдается тенденция к выбору в качестве предмета анализа «гендерных отношений», что позволяет с разных сторон взглянуть на социальные процессы и явления.

Важность именно гендерной (в отличие от половой) интерпретации социальной справедливости, на взгляд автора, состоит в следующем: с половой точки зрения (например, психоаналитическая теория З. Фрейда), физиологические и анатомические характеристики женщины обуславливают ее социальные качества, что выражается в биологически-психологической детерминации социального поведения, характера идентификации, отношений со «средой», сексуальности. С гендерной же точки зрения, женщина обладает какими-либо социальными характеристиками вследствие общественных норм и традиций, в зависимости от

культурно-исторического периода общественного развития, от формирования производственно-экономической сферы, от политического строя и т.д.

Таким образом, социальные качества и положение женщины трансформируются с изменением социально-культурной среды, и, соответственно, в каждом обществе, в каждой культуре существуют свои представления о справедливости для женщин, которые изменяются в исторической перспективе.

Это же утверждение применимо и к маскулинным характеристикам.

Рассматривая теории социальной справедливости от античности до современного периода развития социальных наук, можно заметить, что их авторы в основном говорят о справедливости как о перераспределении ресурсов с целью уменьшения социального и материального неравенства между людьми, однако можно заметить, что под «людьми» часто имеются в виду мужчины, о женщинах или не говорится вовсе, или же они исключаются из отношений (пере)распределения, или выступают в качестве ресурса, который перераспределяют.

Общественное и субъективное содержание социальной справедливости: общество по средствам идеологии определяет социальную справедливость по отношению к каждому его члену, в этом процессе существенным фактором является пол (а точнее сказать – гендер). В качестве примера можно привести вопрос о пенсионном возрасте для мужчин и женщин. В современной России он составляет разные показатели (причем, для мужчин – больший), не смотря на равные права и обязанности мужчин и женщин по Конституции РФ (основному закону). Хотя в странах, где он изначально является одинаковым, данная разница в возрасте выхода на пенсию, возможно, была бы отнесена к несправедливости.

Также и наличие властных ресурсов у женщин и мужчин в одних случаях будет трактоваться как справедливое, в других – нет. Ю.А. Шрейдер говорит, что «справедливость обладает характерной асимметрией: это всегда обязанность сильного по отношению к слабому». [Шрейдер Ю.А. Лекции по этике: М.: МИРОС, 1994. С.70]. Поэтому с точки зрения биологического детерминизма, так как женщина физически слабее мужчины, то справедливость – это обязанность мужчины по отношению к женщине. Мужчина в следствие своей половой принадлежности обладает возможностями справедливо (пере)распределять ресурсы. Исходя из гендерного подхода, «сильный» и «слабый» определяется социо-культурными факторами, что не всегда совпадает с половым разделением общества.

Но содержание социальной справедливости не однородно в конкретном обществе на определенной стадии его развития, оно не застывает в неподвижном состоянии. В каждом обществе, группе социальная справедливость осознается субъективно по-разному, то есть каждый человек вкладывает в понятие

«социальная справедливость» свои личные смыслы (возможно, зависящие от гендерного признака).

Поэтому встает вопрос о представлениях мужчин и женщин о том, что является справедливым, а что таковым не является (т.е. определение самого понятия «социальная справедливость») и о восприятии конкретной ситуации, произошедшей с мужчинами и женщинами, как справедливой или несправедливой.

Общественное содержание социальной справедливости определяет субъективное представление. Человек не рождается справедливым (скорее, социализируется). Однако индивидуальные представления о социальной справедливости мужчин и женщин, изменяющиеся во временной перспективе, оказывают влияние на общественное содержание.

Структурно-конструктивистский подход к социальной справедливости: социальная справедливость – это отношение, возникающее во взаимодействии индивидов и групп. Одинокий человек не может быть справедливым или несправедливым, справедливость всегда проявляется по отношению к другому человеку, группе, обществу, или по сравнению с ним.

Отношения по поводу социальной справедливости представляются в виде конструкта. Поэтому для анализа социальной справедливости предлагается выделение структурных элементов.

1. Ресурсы (от франц. *ressource* – вспомогательное средство) – ценности, запасы, возможности, денежные средства, источники средств, доходов, распределяемые и (или) перераспределяемые в процессе жизнедеятельности людей. Также автор в качестве ресурса признает человека, людей (человеческий ресурс).

Можно типологизировать ресурсы в зависимости от сферы их применения:

- материальные ресурсы (предметы, находящиеся в материальном мире, в том числе и экономические (деньги));
- политические ресурсы (власть, контроль);
- социальные ресурсы (социальные связи, образование, профессии, гендерные ресурсы);
- человеческие ресурсы.

К гендерным ресурсам относятся качества, социо-культурно определяемые в качестве мужских или женских, которые в процессе общественной жизни «обмениваются» на другие виды ресурсов. Именно вследствие социальной детерминации гендерных ресурсов (а не анатомической, половой) гендерные ресурсы причислены автором к социальным ресурсам. Так, например, сексуальность женщины может быть «обменена» на материальные ресурсы (деньги, драгоценности), социальные ресурсы (возможность выйти замуж, получить работу) и т.д. Хотя, и политические, и материальные ресурсы могут иметь гендерные характеристики, обусловленные социо-культурными факторами.

Человеческие ресурсы можно дифференцировать на женские, мужские и гендерно-нейтральные ресурсы. В подтверждение определения человека как ресурса можно отметить, что уже в теориях справедливости античных авторов (Платон, Аристотель) женщины исключались из социальных отношений и служили своеобразным «ресурсом», перераспределяемым мужчинами (справедливыми правителями-философами). Так, Платон в «Государстве» говорит о необходимости введения института общности жен, чтобы преодолеть алчность, собственнические чувства и стремление правителей действовать в интересах своих жен и детей. В них Платон видит основную угрозу для осуществления идеальной социальной утопии [Платон. Государство // Сочинения в трех томах. Том 3 (1). М.: Мысль, 1971. С. 254; Жеребкин С. Гендерная проблематика в философии // Введение в гендерные исследования. Ч.1 Учебное пособие под ред. И.А. Жеребкиной., Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетея, 2001. С. 394]. Аристотель же в «Политике» сравнивает отношения мужского и женского с отношениями раба и господина. Аристотель говорит, что раб «является некой частью господина, как бы одушевленной, хотя и отдаленной, частью его тела. ... Человек же принадлежит другому в том случае, если он, оставаясь человеком, становится собственностью...» [Аристотель. Политика. Афинская полития / Предисл. Е.И. Темнова. М.: Мысль, 1997. С. 458]. Поэтому за женщиной необходим постоянный контроль со стороны мужчины, как и за другой собственной «вещью».

Отношение к женщине, как к ресурсу, свойственно не только для античной мысли, на него же обращает внимание и современный феминистский философ Люси Иригарэ. Она говорит о традиционном маскулинном представлении женщины в качестве «потребительской, прибавочной, меновой стоимости в среде мужчин», «товара». «Женщина всегда не больше, чем локус более или менее составительного обмена между двумя мужчинами ...» [Иригарэ Л. Пол, который не единичен // Введение в гендерные исследования. Ч.2: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетея, 2001. С.134].

Поэтому в рамках феминистского сепаратизма (радикальный феминизм) сложилось такое мнение, что для освобождения женщин необходима «изоляция от мужчин, а также и от институций, отношений, ролей и видов деятельности, которые определены мужчинами, управляются мужчинами, приносят выгоду мужчинам и поддерживают мужские привилегии» [Эллиот П., Менделл Н. Феминистская теория: проблематизация женской субъективности // Введение в гендерные исследования. Ч.2: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетея, 2001. С.107]. Прослеживается мысль о необходимости отделения женщин от мужчин и восприятие мужчин как ресурса, необходимого для продления рода.

2. «Субъекты» и «объекты». В качестве структурного элемента социальной справедливости можно выделить между людьми, которые (пере)распределяют

ресурсы, и людьми, между которыми (пере)распределяются ресурсы. В рамках статьи первые будут обозначаться как «субъекты» (вследствие их активной роли в данном процессе (пере)распределения), вторые – как «объекты» (вследствие их пассивной роли). Причем «субъект» в одних ситуациях может являться «объектом» в других, и наоборот.

Ю.А. Шрейдер также выделяет «субъектов» и «объектов» справедливости, подразумевая под «субъектами» «лицо, общественную структуру или систему, справедливость коих подлежит оценке», а под «объектами» тех, «на кого направлена справедливость или несправедливость субъекта» [Шрейдер Ю.А. Лекции по этике: учебное пособие. М.:МИРОС,1994.С. 72].

На мой взгляд, справедливость не всегда является оцениваемой, так как оценивание предполагает наличие некоторых точных критериев. Во-первых, критерии оценивания могут быть у каждого человека свои, во-вторых, не всегда справедливость или несправедливость действия (явления) осмысливается рационально. Действие может быть признано справедливым вследствие давних традиций, или может повлиять, так называемое, общественное мнение («как все»).

Скорее речь идет о представлениях о социальной справедливости, причем не только «объектов», но и «субъектов».

«Субъектов» и «объектов» можно классифицировать в зависимости от их численности и их гендерной принадлежности. Если в основе типологизации лежит гендерная принадлежность, то для анализа социальной справедливости можно выделить следующие виды «субъектов» или «объектов» :

- женщина (женщины);
- мужчина (мужчины);
- гендерно- нейтральный «субъект» или «объект» (нет прямого указания на гендер).

В зависимости от численности «субъектов» и «объектов», можно выделить следующие виды:

- человек;
- группа;
- общность;
- общество.

А, следовательно, можно выделить и уровни взаимодействия между «субъектами» и «объектами»:

- межличностный;
- межгрупповой;
- локальный;
- социетальный.

3.Механизмы. Выделив элементы социальной справедливости, такие как ресурсы, «субъекты» и «объекты» встает вопрос: каким образом происходит

(пере)распределение ресурсов между «субъектами» и «объектами», вследствие чего данный процесс или его результат маркируется как справедливый? Встает вопрос о механизмах социальной справедливости, закрепленных в «общественном договоре»: «каждому – то же самое (всем поровну), каждому – по заслугам, каждому – по потребностям» [Гусейнов А.А. Справедливость // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001. С.537].

Можно выделить некоторые гендерные механизмы социальной справедливости:

Эгалитарный механизм. Справедливыми считаются отношения по поводу (пере) распределения ресурсов, характер или результат которых обозначается как «справедливый» вследствие равного (пере)распределения ресурсов между участниками.

Традиционный (патриархальный) механизм, согласно которому справедливыми считаются отношения по поводу (пере)распределения ресурсов, характер и результат которых обозначается в качестве «справедливого» вследствие качественно и количественно большего получения ресурсов мужчинами и, соответственно, меньшего – женщинами.

В реформируемой России «женский вопрос» чрезвычайно актуализировался: положение женщины все более зависит от ситуации в стране, от того, как быстро и успешно идет экономическая реформа и реформа политической жизни, развитие демократии. Другими словами, создание лучших условий для реализации потребностей и интересов играют большую роль в реформировании системы ценностей женщин и выступают в качестве целей жизни и основных средств достижения этих целей. В силу этого жизненные ценности приобретают функцию важнейших регуляторов социального поведения женщин.

Социальные ценности – продукт социализации женщин, освоения ими общественно-политических, нравственных, эстетических, этических идеалов и непреложных нормативных требований, предъявляемых к ним членам общества. Социальные ценности самым тесным образом связаны, во-первых, с социально-экономической природой общества и объективными условиями предметной деятельности женщин, во-вторых, социальными установками высшего уровня, соотносимыми с целостностью образа жизни, в сравнении с установками на частные социальные объекты и ситуации, регулирующие отдельные поступки. Социальные ценности, будучи отражением фундаментальных интересов женщин, выражают и субъективную общественную позицию женщин. Их мировоззрение и нравственные принципы. Формирование системы ценностных ориентаций означает становление личности женщины как активного субъекта социальной действительности.

Роль и место женщины в обществе – это своеобразный камертон, улавливающий все нюансы и изменения, происходящие в сфере экономики,

политики и идеологии государства. В связи с трудностями на рынке рабочей силы в нашем обществе постепенно возрождается идеология о «естественном» предназначении женщин, которая необходима сейчас, чтобы регулировать рынок как в советский период идеология эмансипации женщин была необходима для индустриализации страны. Таким образом, стереотипы полоролевой дифференциации формируются в зависимости от важности и нужности в обществе женского труда.

Социальная справедливость является одним из основных принципов развития современной России и социальной политики и социальной работы. Поэтому выделение элементов структуры социальной справедливости послужит инструментарием для разработки методологии социальной работы в целях формирования толерантного отношения к людям, в том числе и по половому признаку.